

Татьяна Фолиева

**Проблема религиозной социализации
в российской и польской науке**

В данном исследовании проведен сравнительный анализ теории социализации в целом и религиозной социализации в частности в российской и польской науке. Определены общие черты, точки соприкосновения и главные отличия в подходах к этому феномену. Обозначены перспективы изучения проблемы.

Ключевые слова: социализация, религиозная социализация, психология религиозного воспитания

Социализация – всеохватывающий и всеобщий социальный феномен, насыщенный множеством аспектов и смыслов, постоянный и повторяющийся, буквально пронизывающий жизнь индивида. Именно поэтому он привлекал и привлекает постоянное внимание исследователей, и ни физически, ни интеллектуально невозможно рассмотреть и обобщить все существующие работы по этому вопросу. В данном очерке, нам бы хотелось рассмотреть, как религиозный аспект социализации исследуется в двух самобытных научных традициях – польской и российской, *что* их отличает, *что* сближает и *какие* перспективы существуют в изучении религиозной социализации.

**Социализация в польской и российской научной
традиции: краткая характеристика**

Теоретическая разработка проблемы религиозной социализации происходила и происходит в рамках изучения непосредственного самого феномена социализации. И в польской, и в российской литературе существует множество работ, в которых исследуется этот социальный феномен. Однако в Польше больше опубликовано переводов западноевропейских и англо-американских работ по социализации, что, впрочем, касается не только интересующей нас проблемы, но и всего рынка гуманитарной литературы. Доступность литературы на родном языке не только упрощает работу ученых, но и вводит но-

вые исследовательские и образовательные контексты. Результат отсутствия переводов западных исследований четко фиксируется в российской традиции исследования социализации. В советской литературе из-за изоляции общественно-гуманитарных наук были разработаны собственные независимые теории такими авторами, как Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, Г.М. Андреевой, А.В. Мудриком, И.С. Коном и другими. После крушения Советского Союза, во время непосредственного становления и развития российской науки, как отмечает В.А. Янчук, «исследования в области социализации стали существенно идеологизированными и находятся в глубоком кризисе»¹. Упор был сделан на переведенную западную литературу, прежде всего, на анализ работ П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания», А. Бандуры «Теория социального научения»², а также на интерпретацию идей Дж. Г. Мида, Т. Парсонса, Ч. Кули и Э. Гоффмана. Опираясь на работы, созданные в 50–70-е гг. прошлого столетия, отвергая советские концепции и не работая с теориями Дж. Р. Харрис (Judith R. Harris), Р. Мореланда (Richard Moreland), Дж. Ливайна (John Levine) и ряда других авторов, современные российские исследователи, по сути, загоняют себя в добровольную изоляцию.

Отметим наиболее яркие и самостоятельные российские теории социализации.

Лев Семенович Выготский (1896–1934) – советский психолог, классик культурно-исторической психологии. Ввел понятие «социогенез психического» - развитие высших психических функций, которые у «ребенка появляются дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем

¹ В.А. Янчук, *Введение в современную социальную психологию*, Минск 2005, с. 306.

² П. Бергер, Т. Лукман, *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, Москва 1995; А. Бандура, *Теория социального научения*, Санкт-Петербург 2005.

внутри ребенка, как категория интрапсихическая»³. По сути, социогенез психического – это и есть социализация, роль агентов в которой играют взрослые, опосредующие взаимодействие ребенка с окружающей его реальностью. Изначально социализируется интеллект, когда ребенок «вступает на путь сотрудничества <...> социализация практического интеллекта приводит к необходимости социализации не только объектов, но также и действий»⁴. Появляется социализированная речь, на основе которой строится культурное развитие⁵, что, по сути, делает знак и язык инструментом социализации.

Алексей Николаевич Леонтьев (1903–1979) – советский психолог, классик теории деятельности. Исследователь полагал, что социализация происходит под влиянием общественной (социальной) деятельности, при этом этот процесс – есть развитие высших форм поведения и памяти⁶. Любая деятельность «имеет кольцевую структуру: исходная афферентация – эффекторные процессы, реализующие контакты с предметной средой – коррекция и обогащение с помощью обратных связей исходного афферентирующего образа»⁷. Индивидуальное сознание всегда зависит от а) деятельности и б) социального знания, таким образом, сознание «производится» обществом⁸. Если идеализированные значения индивида, которые прививаются раньше, «вливаются в практики, то они приобретают новые системные качества»⁹.

³ Л.С. Выготский, *История развития высших психических функций*, [в кн.:] *Развитие высших психических функций*, Москва 1966, с. 197–198.

⁴ Л.С. Выготский, *Педагогическая психология*, Москва 1991, с. 31.

⁵ Л.С. Выготский, *История развития высших психических функций...*, с. 322.

⁶ А.Н. Леонтьев, *Биологическое и социальное в психике человека*, [в кн.:] А.Н. Леонтьев, *Избранные психологические произведения в двух томах. Том I*, Москва 1983, с. 76 – 95.

⁷ А.Н. Леонтьев, *Деятельность. Сознание. Личность*, [в кн.:] А.Н. Леонтьев, *Избранные психологические произведения в двух томах. Том II*, Москва 1983, с. 143.

⁸ Там же, с. 150.

⁹ Там же, с. 152.

Доктор философских наук, профессор, один из основателей современной российской социологии *Игорь Семенович Кон* (1928–2011) определял социализацию следующим образом - это «усвоение индивидом социального опыта, в ходе которого создается конкретная личность», поскольку «индивидуальность – не предпосылка социализации, а ее результат»¹⁰. Самая простая схема процесса такова: овладение, открытие на этой базе чего-то нового, усвоение¹¹. Сам процесс меняется в зависимости от культурно-исторических факторов, в наше время «увеличение числа механизмов социализации порождает усложнение ролевой структуры личности, а это, в свою очередь, фиксируется ее самосознанием и выражается в ценностных ориентациях»¹². Основное содержание социализации раскрывается во время детства и юношества, но сама социализация происходит всю жизнь.

Анатолий Викторович Мудрик (1941 г.р.) – член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор. Ученый полагает, что социализация – это процесс развития «человека во взаимодействии с окружающим его миром»¹³. Ее сущность в приспособлении и обособлении индивида в обществе, в результате чего человек становится социальным существом и, в тоже время, становится индивидуальностью¹⁴. Социализация может быть стихийной, направляемой и контролируемой; делится на первичную, маргинальную и устойчивую¹⁵. Исследователь выделяет также мега-, мезо-, микро-факторы социализации, полагает, что коммуникация – это стержень процесса социализации, человек же может быть жертвой социализации¹⁶.

Для перечисленных работ, которые являются ведущими в российской науке, характерны, по сути, два подхода: куль-

¹⁰ И.С. Кон, *Социология личности*, Москва 1967, с. 22, 94.

¹¹ Там же, с. 94.

¹² Там же, с. 101.

¹³ А.В. Мудрик, *Социализация человека*, Москва 2006, с. 3.

¹⁴ Там же, с. 21–22.

¹⁵ Там же, с. 22–31.

¹⁶ Там же.

турно-историческая психология Л.С. Выготского и теория деятельности А.Н. Леонтьева, то есть то, что понимается, в обобщенном виде, в западноевропейской литературе как *cultural-historical activity theory*. В этой теории психическая реальность становится целостной, сопряженной с деятельностью и социальным, что открывает новые аспекты в изучении человека.

Как уже говорилось, в Польше существует пласт переводных западноевропейских и англо-американских работ. Так, была переведена и несколько раз переиздавалась обобщающая работа по теории социализации немецкого профессора Клауса-Юргена Тилльманна (Klaus-Jürgen Tillmann), классические исследования Клауса Хуррельмана (Klaus Hurrelmann), Мауриса Элиаса (Maurice Elias) и ряда других¹⁷. Выделим основные работы польских авторов, которые затрагивают проблему социализации.

В основе польских исследований четко прослеживается влияние не переведенных работ, а работ *Флориана Витольда Знанецкого* (1882—1958) – польско-американского социолога, представителя Чикагской социологической школы. Для Чикагской школы очень важны не только проблема города, количественные методы и строгая методология анализа данных, но и символический интеркционизм. Отсюда такой интерес к нормам, взаимодействию и смысловому взаимопониманию. Сам Ф. Знанецкий описывал социальную реальность, как взаимозависимость индивида и общества¹⁸. Одним из главных стремлений индивида есть стремление быть в согласии с другими, поскольку «человек хочет знать, что другие знают, и, в свою очередь, хочет дать другим то, что он знает»¹⁹. По сути, ученый полагает, что говорит о сознательной деятельности во время социализации, что выводит нас на рассмотрение социализации

¹⁷ K.-J. Tillmann, *Teorie socjalizacji: społeczność, instytucja, upodmiotowienie*, Warszawa 2006; K. Hurrelmann, *Struktura społeczna a rozwój osobowości: wprowadzenie do teorii socjalizacji*, Poznań 1994; M.J. Elias, *Dziecko emocjonalnie inteligentne*, Poznań 1998.

¹⁸ W.I. Thomas, F. Znaniecki, *The Polish peasant in Europe and America: a classic work in immigration history*, Chicago 1996.

¹⁹ F. Znaniecki, *Socjologia wychowania. T. 1. Wychowujące społeczeństwo*, Warszawa 1973, s. 134–142.

никак субъект – объектного, а как объект – объектного процесса. В то же время Ф. Знанецкий расширяет понятие агентов социализации, а сам процесс рассматривает как усвоение социальных установок²⁰.

Эдвард Хайдук (Edward Hajduk, г.р. 1932) – доктор habilitированный, профессор. Социализация, по мнению профессора, это процесс усвоения символического значения события, то есть процесс символизации при вхождении ребенка в общество²¹, в то же время это необходимое условие социального порядка. Ученый, проанализировав множество подходов, полагает, что социализация это не только (и не столько) аккумуляция, интериоризация, подготовка к социальным ролям и жизни взрослого человека, но и придание смыслов и значений²². Отсюда, процесс социализации, с одной стороны, это механизм передачи из поколения в поколение символических элементов культуры (знаний, ценностей, ритуалов, моделей поведения), а с другой – механизм интеграции социума и легитимации власти: «процесс определения значений символизирует решение» как закон²³. Профессор Хайдук расширяет понимание агентов социализации – это не только семья, но и транслирующие каналы смыслов – средства массовой информации, телевидение и т.д.²⁴.

Збигнев Скорны (Zbigniew Skorny) (1926–2012) – доктор habilitированный, профессор Вроцлавского университета. Исследователь полагал, что социализация проходит под влиянием группы, которая воспроизводит определенную культуру и вызывает у индивида изменения, которые выгодны этой общности²⁵. Изменения проходят всю жизнь, но особенно сильны и заметны среди детей и молодежи. По мнению

²⁰ Там же.

²¹ E. Hajduk, *Układy społeczne i ich funkcje socjalizacyjne (zarys problemów)*, Zielona Góra 1999, с. 44.

²² Там же, с. 6–32.

²³ Там же, с. 32–33.

²⁴ Там же, с. 45.

²⁵ Z. Skorny, *Proces socjalizacji dzieci i młodzieży*, Warszawa 1987, с. 13.

3. Скорны, «социально желаемые изменения личности, происходящие в процессе социализации, состоят в формировании черт характера, которые положительно влияют на взаимодействие между людьми»²⁶. В то же время, эти изменения опираются на знание социальных ролей и соблюдение групповых норм, что не только фиксирует их желаемость, но и определяет их обусловленность. Социализация – не замкнутый процесс, она связана с развитием физической, умственной и эмоциональной деятельностью²⁷. Ключевой идеей Збигнева Скорны является проблема соотношения норм отдельного индивида и группы приведение их к соответствию во время социализации. Социализированный индивид всегда проявляет про-общественную деятельность, что позволяет рассматривать этот феномен как стык социального, экономического и образовательного²⁸.

Если рассматривать российскую и польскую традицию в сравнении, то, прежде всего, стоит отметить, что они, несмотря на существование научных связей и языковую близость, взаимоизолированы друг от друга. И труды Л.С. Выготского переведены на польский, и труды Ф. Знанецкого²⁹ на русский и известны исследователям, но какого-либо влияния ни в одной, ни в другой стране на концепции социализации они не оказывают. Из современных российских авторов на польский язык переведены работы только И.С. Кона³⁰, ни одно исследование польских ученых, посвященное социализации, на русский не переведено.

В то же время развитие исследований социализации в Польше и России сходно. С одной стороны, при знакомстве исследователей с западноевропейской традицией (в одной стране – больше, в другой – меньше), все же теоретические ра-

²⁶ Там же, с. 17.

²⁷ Там же, с. 23.

²⁸ Там же, с. 51–52.

²⁹ L.S. Wygotski, *Myślenie i mowa*, Warszawa, 1989; Ф. Знанецкий, *Исходные данные социолога*, [в кн.:] *Американская социологическая мысль*, Москва 1994.

³⁰ I.S. Kon, *Odkrycie „ja”*, Warszawa 1987.

боты замкнуты на национальных «лидеров» социально-гуманитарных наук. С другой, не появляются новые концепции процесса социализация, практически вся современная и польская, и российская литература – это переинтерпретация теорий, которые были созданы ранее.

Рассмотрим, каково состояние изучения религиозной социализации в Польше и России.

Религиозная социализация как научная проблема

В научной литературе 30–90-х гг. XX столетия понятие «религиозная социализация» было связано с термином «религиозное воспитание», хотя практически непосредственно не анализируется в текстах советских авторов. Конкретных исследований по данной тематике мало, а большинство книг этого периода – сборники антирелигиозных историй и рекомендаций по атеистической работе среди населения³¹.

С 90-х гг. XX века происходит разрыв с советской традицией, который характеризуется не только критикой предыдущих работ, но и полной утратой наработок предшественников. Впрочем, не сформировалась и самостоятельная российская традиция: среди существующих публикаций и проектов, непосредственно касаются указанной проблемы работы Виталия Григорьевича Безрогова и Татьяны Владимировны Складовой, небольшие исследования других авторов³². С большим допущением, вслед за Т.В. Складовой, можно отнести к подобным публикациям и те труды, в которых «воцерковление», «социализация молодежи в религиозных организациях», «социо-

³¹ См. к примеру: И.И. Огрызко, *Дети и религия*, Ленинград 1966.

³² И. Дорошин, *Экспертиза религиозной социализации в обществе риска*, „Власть”, 2011, № 11, с. 84–87; Д.А. Аникин, *Религиозная социализация молодежи в современной России: историческая память и новые тенденции*, [в кн.:] *Мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации молодежи в глобальном мире*, Саратов 2010, с. 138–142; А.Н. Блинова, *Религия в жизни немецкого населения Западной Сибири и ее роль в социализации детей. История и современность*, *Сибирь на перекрестье мировых религий*, Новосибирск 2009, с. 384–388.

культурная социализация» рассматриваются авторами как синонимы «религиозной социализации»³³.

Виталий Григорьевич Безрогов (г.р. 1959) – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института теории и истории педагогики Российской академии образования. Педагог полагает, что религиозная социализация – это процесс интериоризации и выработки собственных «мировоззренческих стереотипов, идеологических предубеждений и стратегии поведения по отношению к окружающим людям», «в самом общем смысле есть становление верующего, происходящее в определенном конфессиональном и социокультурном контексте»³⁴. В.Г. Безрогов проводит границы для понятий, которые, по его мнению, должны зависеть от конфессиональной специфики: «с православной точки зрения религиозная социализация – это воцерковление, становление членом прихода...», для западного христианства это «есть превращение человека в верующего субъекта»³⁵. Интересен вопрос выхода из «секулярности в веру», по мнению, Виталия Григорьевича, для западного христианства – это возраст приближен к 60 годам, для современной России – «для «молодых взрослых» и людей в «среднем возрасте»³⁶. Чаще всего, по мнению ученого, агентом религиозной социализации является семья, что еще не совсем свойственно для России. Ситуация и «жизненные коллизии» в семье оказывают огромное влияние на религиозность индивида, то есть, кроме непосредственного влияния агентов социализации, важное значение имеет и психологичес-

³³ См. к примеру: В.Ф. Чеснокова, *Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века*, Москва 2005; Г.А. Сабирова, *Мусульманские идентичности и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России*, [в кн.:] *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики*, Москва 2008, с. 457–494.

³⁴ В.Г. Безрогов, *Социальное пространство личности. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива*, „Развитие личности”, 2002, № 4, с. 115.

³⁵ Там же, с. 115.

³⁶ Там же, с. 117.

кий климат, в которой ребенок проходит интериоризацию. В.Г. Безрогов полагает, что исследовать религиозную социализацию трудно, поскольку «опыт индивидуума скрыт от глаз», следовательно основной и главный источник для ученого, который находится «извне» этого опыта являются «эго-документы»³⁷. Во многом, такой подход выносит проблему изучения религиозной социализации из сферы социологии и психологии, в антропологическую и историческую плоскость.

Можно зафиксировать, что теоретических и практических исследований религиозной социализации в российской литературе практически нет. Специфика разделения научной традиции на два периода – советский и российский – свидетельствует только об утрате взаимосвязи между ними. Кроме отсутствия отсылок на исследования социализации в советский период, можно наблюдать и серьезнейшие противоречия в выдвигаемых тезисах. Так, если советские исследователи говорили о том, что главный агент религиозной социализации (и воспроизводства) – это советская семья, то современные авторы утверждают, что в годы советской власти, семья утратила свои социализирующие знания и функции³⁸. Характерно и то, что большинство российских авторов (возможно, за исключением только В.Г. Безрогова) не работают с западноевропейской и англо-американской литературы, продолжается, столь характерная для России, традиция добровольной научной самоизоляции.

Как и в случае с социализацией в целом, в Польше опубликованы западноевропейские работы, посвященные отдельным аспектам процесса, в том числе и религиозной социализации. Например, большой интерес вызывает работа о. Бернарда Грома «Психология религиозного воспитания», в которой автор выделяет в процессе развития четыре формы: социализа-

³⁷ В.Г. Безрогов, *Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве)*, „Антропологический форум”, 2006, № 4, с. 131.

³⁸ В.Г. Безрогов, *Социальное пространство личности...*, с. 117.

ция – учение (самого себя) – воспитание – обучение³⁹. Автор не только анализирует теоретические вопросы, но и раскрывает вопросы формирования понятия и образа Бога; анализирует когнитивное и эмоциональное развитие, прослеживает трансформацию образа божества от антропоморфизма до символизма. Книга не оказала прямого влияния на польских авторов, но, несомненно, пополнила исследовательский инструментарий науки.

Непосредственно проблема религиозной социализации в Польше активно разрабатывается как светскими, так и католическими исследователями. Как и в российской литературе, в польской существует отдельный пласт работ, в котором воцерковление / катехизация рассматривается как синоним религиозной социализации, воспитания и образования⁴⁰. В то же время, как и в случае изучения процесса социализации в целом, теоретические работы чаще всего вторичны, интересны прикладные исследования⁴¹.

Владислав Пивоварски (Władysław Piwowarski, 1929–2001) – ксендз, доктор хабилитированный, профессор, известный социолог религии. В. Пивоварски полагал, что понятия «социализация» и «религия» можно рассматривать с двух позиций. С одной стороны, религия выполняет легитимирующую функцию, «через обряды, символы, и, прежде всего, через систему убеждений, она помогает людям в процессе социализации, в течение которого они усваивают доминирующие ценности»⁴². С другой, религиозный аспект социализации очень важен, поскольку именно оказывает влияние на религиозность

³⁹ В. Grom, SJ, *Psychologia wychowania religijnego*, Kraków 2011.

⁴⁰ См. к примеру: В. Parysiewicz, *Chrzescijanska duchowosc rodziny a paradygmat postmodernizmu*, „Roczniki Teologiczne”, 2000, № 47, z. 6, с. 75–86; К. Misiaszek, *Religijna formacja dziecka*, http://www.ogrodowa.pl/upload/akademia/Kazimierz_Misiaszek_SDB_wyklad.pdf

⁴¹ См. к примеру: А. Różańska, *Socjalizacyjna rola edukacji religijnej w szkole w społeczeństwie wielokulturowym w kontekście interpretatywnej teorii kultury Clifforda Geertza*, [в кн.:] Т. Lewowicki, В. Grabowska, А. Gajdzica (red.), *Socjalizacja i kształtowanie się tożsamości – aktualne doświadczenia na pograniczu polsko-czeskim*, Toruń 2008, с. 67–69.

⁴² W. Piwowarski, *Socjologia religii*, Lublin 1996, с. 14.

индивида. Религиозная социализация – это усвоение «моделей религиозного поведения, связанное с религиозным знанием, религиозными верованиями, религиозными обрядами, обычаями <...> и приведение индивида к религиозной зрелости человеческой личности и свободе для принятия обоснованных решений, основанных на религиозных ценностях»⁴³. При этом, автор четко разделяет социализацию и образование, полагая, что первое более спонтанно и является продолжением культурных традиций⁴⁴. Религиозная социализация продолжается всю жизнь, однако есть периоды, когда она проходит с большой интенсивностью и имеет решающее значение. Эти периоды связаны не только и не столько с возрастом, но с событиями в жизни человека: обучение в начальной школе, адаптация в новой ситуации, инкультурация и т.д. В раннем возрасте главным агентом религиозной социализации является семья, именно поэтому (и поскольку она составляет основу парафии), автор уделяет ей большое внимание⁴⁵. Профессор Пивоварски полагает, что на специфику религиозной социализации оказывают влияние и социальные и культурные трансформации, именно поэтому в ситуации секуляризма и постсекуляризма религиозные организации (а, точнее, католическая церковь) должны создавать организации, которые бы занимались данной проблемой⁴⁶.

Если В. Пивоварски говорит о социализации в социологическом ключе, то, профессор, доктор хабилитированный *Галина Гжымала-Мощиньска* (Halina Grzymała-Moszczyńska) – в психологическом. Автор не говорит о религиозной социализации, но анализирует проблему психологии религиозного развития, в которую включает и социализацию, и воспитание, и конверсию, и апостасию, и динамику религиозности⁴⁷. Нельзя сказать, что этот подход является расширительным, скорее,

⁴³ W. Piwowarski, *Socjalizacja religijna w społeczeństwie rozwiniętym*, „Śląskie Studia Historyczno-Teologiczne”, 1980, tom XIII, s. 25–42.

⁴⁴ Там же, с. 25.

⁴⁵ Там же, с. 20.

⁴⁶ Там же, с. 42.

⁴⁷ H. Grzymała-Moszczyńska, *Psychologia religii: wybrane zagadnienia*, Kraków 1991, s. 51–70.

это комплексное социально-психологическое развитие социализации. Так, динамика религиозности – это результат социализации, конверсия и апостасия – это ресоциализация, утрата жизненных кризисах поведения, привитого в ходе первичного воспитания и обучения – десоциализация и т.д.⁴⁸

Особенностью польских работ по религиозной социализации, как мы уже отмечали, является их прикладной характер, что можно объяснить не только разработанностью темы, но и местом парафии (как одного из агентов социализации) в жизни Католической церкви. Отличительно и то, что для российских конфессиональных авторов на современном этапе важно обосновывать значение изучения религиозной ситуации, то для польских – значимо научить и разъяснить, как проводить религиозную социализацию и в чем ее специфика. В то же время, российские авторы только начали конструировать проблему, в Польше – это уже сложившаяся исследовательская традиция.

Польско-российское научное пограничье: вместо заключения

У российской и польской социологической науки сложные взаимоотношения и сложная судьба. С одной стороны, социально-политические вехи в истории обоих народов отразились и исследованиях: существование конфессионального влияния, идеологическое давление после установления советской власти, трансформации в постсоветскую эпоху. Все это либо насильственно сближало, либо искусственно разъединяло две традиции. С другой стороны, исследователи отмечают волнообразное взаимное влияние, где сначала было доминирование российских ученых⁴⁹, а затем, как указывает один из ведущих социологов Советского Союза и современной России В.А. Ядов, польские книги стали «настольными учебными по-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ М. Глушковски, *Разнообразные плоскости русского влияния на польскую социологию в 1864–1918 гг.*, [в кн.:] *Крымско-польский сборник научных работ*, т. 9, Симферополь 2011, с. 229–234

собиями»⁵⁰. На современном этапе мы наблюдаем две сильные равные традиции, во взаимодействии которых заложен серьезный потенциал. Так, например, работы профессора П. Штомпки, переводятся на русский язык и являются одними из основных учебных и методологических работ для российских студентов⁵¹.

Возвращаясь непосредственно к интересующей нас теме, отметим, что общей чертой для ученых и в России, и в Польше, является необъяснимый разрыв между исследованиями социализации в целом и религиозной ее составляющей. Практически все авторы, ссылаются на западноевропейские и англоязычные исследования религиозной социализации психологами религии, социологами религии и религиоведами, но отсутствует привязка одного из аспектов (религия) к социальному феномену (социализация) в целом.

Эффективным, как думается, будет и объединение двух национальных исследовательских традиций и преодоление их самоизоляции. Общетеоретические идеи о соотношении деятельности и сознания (А.Н. Леонтьев), мышления и речи (Л.С. Выготского) и смысловом взаимодействии (Ф. Знанецкий) в социализации могут быть очень продуктивными, если их перенести на религиозность. Современные подходы В.Г. Безрогова и Г. Гжымала-Мощиньски позволяют рассматривать этот процесс в динамике на материале историческом, социологическом и психологическом.

Zagadnienie socjalizacji religijnej w nauce rosyjskiej i polskiej

Praca przedstawia analizę porównawczą teorii socjalizacji i socjalizacji religijnej w nauce rosyjskiej i polskiej. Autorka wskazała główne cechy wspólne oraz podstawowe różnice w rosyjskich i polskich badaniach nad tym zagadnieniem. Bazując na tej analizie wskazano perspektywy badań w przyszłości.

Słowa kluczowe: socjalizacja, socjalizacja religijna, psychologia wychowania religijnego

⁵⁰ В.А. Ядов, *Мы учились социологии в Польше*, <http://www.nowpol.ru/index.php?id=1282>

⁵¹ См., к примеру: П. Штомпка, *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*, Москва 2007.

The question of religious socialization in Russian and Polish studies

The paper presents comparative analysis of the theory of socialization and religious socialization in Russian and Polish studies. The author focuses on the main common features and differences in Russian and Polish studies on this question. Basing on conclusions the author suggests areas of further research.

Key words: socialization, religious socialization, psychology of religious education

Татьяна Фолиева – кандидат философских наук, доцент кафедры «Профсоюзное движение, общие и гуманитарные дисциплины» Волгоградский филиал ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (Волгоград, Россия). Область научных интересов: религиоведение, социология религии, социализация, религиозная социализация. E-mail: tatiana_folieva@yahoo.com